

По жалобам о нарушении статьи 2 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на жизнь

Вопрос о соблюдении государством своих позитивных обязательств

По делу обжалуется самоубийство заключенного, страдавшего психическим заболеванием и содержавшегося в обычной камере. По делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции.

Де Дондер и де Клиппел против Бельгии
[De Donder and De Clippel v. Belgium] (№ 8595/06)

Постановление от 6 декабря 2011 г. [вынесено II Секцией]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Заявителями являются родители молодого человека, проходившего психиатрическое лечение, который был задержан по подозрению в покушении на кражу. В мае 1999 года он был признан виновным и лишен свободы в соответствии с Законом о социальной защите, поскольку в связи с его психическим расстройством он не мог контролировать свои действия и представлял угрозу для себя или для общества. Сын заявителей был временно помещен в психиатрическое отделение тюрьмы в ожидании перевода в психиатрическую клинику в качестве «проживающего пациента». Впоследствии ему было разрешено проживать за пределами клиники по выходным дням при условии соблюдения определенных требований. Однако заместитель прокурора распорядился о возвращении заключенного в психиатрическое отделение тюрьмы, поскольку он не соблюдал предъявляемые требования. В июле 2001 года молодой человек был переведен в общее отделение тюрьмы, где был помещен в камеру с тремя другими лицами. На следующий день после нападения на одного из сокамерников сын заявителей был переведен в штрафной изолятор. Психиатр изменил курс его лечения, и он был переведен в индивидуальную камеру. В августе 2001 года сын заявителей повесился в своей камере. Было начато расследование, в ходе которого были предъявлены обвинения двум психиатрам и начальнику тюрьмы. Впоследствии дело было прекращено, и все последующие жалобы не дали результата.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 2 Конвенции. (а) Материально-правовой аспект. Обвинительная камера Апелляционного суда рассмотрела вопрос о том, могло ли самоубийство заключенного рассматриваться как предсказуемое, и установила, что ввиду особенностей его личности не имелось оснований полагать, что кто-либо из обвиняемых должен был знать, что он совершит самоубийство. Однако при обстоятельствах дела этот вывод не выдерживает критики. Существовала реальная угроза того, что заключенный попытается покончить с собой ввиду его удвоенной уязвимости, во-первых, как лица, лишенного свободы, поскольку уровень самоубийств среди заключенных весьма высок, и, во-вторых, как лица, страдающего психическими расстройствами, лишавшими его возможности контролировать свои действия. Действительно, степень срочности такой угрозы было трудно определить, но в делах о самоубийстве данный критерий не должен применяться категорично. В то же время отсутствие попыток заключенного покончить с собой не означает, что власти не могли знать о существовании подобной угрозы. Они должны были знать о неустойчивом состоянии заключенного в связи с его психическим заболеванием, поскольку он был «принудительно помещен» в тюрьму в соответствии с Законом о социальной защите. Его поведение вынудило заместителя прокурора перевести сына заявителей в психиатрическое отделение тюрьмы. Через день после его прибытия он напал на одного из сокамерников, что, возможно, было связано с его душевным волнением.

Заключенный был помещен под стражу на основании Закона о социальной защите, который предусматривал, что лица, на которых он распространялся, содержатся не в соответствии с правилами обычного содержания под стражей, а согласно правилам «принудительного помещения», поэтому в случае необходимости они могли получать психологическую и медицинскую помощь. Вместе с тем в вынесенном в июле 2001 года решении заместителя прокурора о возвращении сына заявителей в тюрьму особо указывалось, что он должен содержаться в психиатрическом отделении. Следовательно, сын заявителей не должен был содержаться в общем отделении тюрьмы. Действуя таким образом, в нарушение норм национального законодательства, власти способствовали возникновению угрозы совершения самоубийства молодым человеком. Поэтому по определению они не приняли всех мер, которых можно было от них ожидать для предотвращения этой угрозы, и тем самым нарушили требования статьи 2

Конвенции. Кроме того, в период пребывания в тюрьме с молодым человеком обращались без особого учета его психического заболевания или его статуса «принудительно помещенного» лица, о чем свидетельствуют его перевод в штрафной изолятор и те факты, что психиатр, наблюдавший его за четыре дня до его самоубийства, не был уведомлен о его статусе, что это был его единственный прием психиатром в период содержания в тюрьме. Возможно, что содержание сына заявителей в общем отделении тюрьмы объяснялось хронической нехваткой мест. Однако эти обстоятельства не могут освобождать государство-участника от соблюдения его обязательств в соответствии со статьей 2 Конвенции, иное означало бы возможность освобождения от ответственности за собственные упущения.

Соответственно, учитывая меры, принятые государством-ответчиком для оказания помощи молодому человеку, который, например, мог находиться в специализированных клиниках, где он получал поддержку и лечение, необходимые при его состоянии, и серьезные сложности, с которыми постоянно сталкивались тюремная администрация и медицинский персонал, Европейский Суд заключил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 2 Конвенции (принято единогласно).

(b) *Процессуальный аспект.* Европейский Суд не усмотрел доказательств того, что расследование, проведенное в настоящем деле, не удовлетворяло требованиям эффективного расследования.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу требования статьи 2 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).

По поводу соблюдения пункта 1 статьи 5 Конвенции. Лишение свободы основывалось на Законе о социальной защите, который разрешал национальным судебным органам заключать под стражу лицо, обвиняемое в тяжком или менее тяжком преступлении, «при наличии оснований полагать, что обвиняемый страдает от психического заболевания или серьезного психического расстройства или недостатка, лишающих его возможности контролировать свои действия». Однако, во-первых, данный закон прямо указывал, что лицо должно содержаться не в обычном тюремном окружении, а в специализированном учреждении или, в качестве исключительной меры и в соответствии с определенными условиями, в психиатрическом отделении тюрьмы. Во-вторых, решение заместителя прокурора, вынесенное в июле 2001 года о возвращении сына заявителей в тюрьму, указывало, что он должен содержаться в психиатрическом отделении. Таким образом, его содержание в общем отделении тюрьмы явно нарушало национальное законодательство. Напомнив, что в принципе «содержание под стражей» лица в качестве душевнобольного является законным для целей подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции, если осуществляется в больнице, клинике или ином соответствующем учреждении, Европейский Суд установил, что обстоятельства дела доказывают нарушение этого положения, которое требует, чтобы «содержание под стражей» осуществлялось «в порядке, предусмотренном законом» и являлось «законным».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

КОМПЕНСАЦИЯ

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить каждому заявителю 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда.